

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАБЫ ЗЕМЛИ

1

1320 год

*Дом Берната Эстаньола,
Наварклес, графство Каталония*

Улучив момент, когда, казалось, никто не обращал на него внимания, Бернат посмотрел вверх, на безоблачное голубое небо.

Мягкое солнце конца сентября ласкало лица его гостей. Бернат потратил немало времени и усилий, готовясь к этому празднику, и теперь его могла испортить только немилосердная погода.

Улыбнувшись осеннему небу, Бернат опустил глаза, и улыбка на его лице расплылась еще шире: на мощеном дворе перед воротами и первым этажом его дома царило всеобщее веселье.

Около тридцати приглашенных гостей беззаботно радовались жизни. Урожай винограда в этом году был великолепен. Мужчины, женщины и дети работали с утра до ночи: сначала они собирали виноград, а потом давили из него сок, не давая себе ни дня отдыха. Только когда вино было залито для брожения в бочки, а мезга подготовлена для того, чтобы в скучные зимние дни перегонять выжимки в самогон, крестьяне принялись отмечать сентябрьские праздники.

В эти же дни Бернат Эстаньоль решил сыграть свадьбу.

Бернат смотрел на гостей. Они, должно быть, встали на заре, чтобы пройти пешком расстояние, отделявшее их дома от усадьбы Эстаньола — для некоторых весьма приличное. Они оживленно болтали, вероятно о свадьбе или об урожае, а возможно, о том и другом; некоторые гости, как, например, группа, состоящая из его двоюродных братьев и семьи Пуч, то и дело разражались хохотом и с лукавством поглядывали в его сторону. Чувствуя, что краснеет под их взглядами, Бернат решил избегать столь назойливого внимания; ему, честно говоря, не хотелось знать причину их смеха.

Он видел стоящих во дворе представителей семей Фонтаниес, Вила, Жоаникет и, разумеется, родственников невесты.

Бернат украдкой посмотрел на своего тестя Пере Эстеве, который только и делал, что поглаживал свой огромный живот и, широко улыбаясь, переходил от одних гостей к другим. Пере повернулся к нему, и, глядя на его сияющее лицо, Бернат невольно счел себя обязанным кивнуть ему — уже, наверное, в сотый раз. Поискав глазами своих шуринов, он наконец разглядел их среди приглашенных. С самого начала они относились к нему с некоторой подозрительностью, хотя Эстаньол старался понравиться им.

Бернат вновь устремил взгляд в небо. Похоже, урожай и погода решили быть вместе с ним на его празднике. Он посмотрел на свой дом, а потом снова на людей и слегка поджал губы. Внезапно, несмотря на общее оживление, он почувствовал себя одиноким. Прошел всего лишь год с той поры, как Бернат похоронил отца, но его сестра, Гиамона, которая обосновалась в Барселоне после того, как вышла замуж, и которую ему очень хотелось увидеть, так и не ответила ни на один из приветов, посланных ей братом. А ведь Бернат был ее единственным прямым родственником, оставшимся после смерти отца...

Смерть старшего Эстаньола превратила их судьбу в предмет интереса всей округи: свахи и отцы с незамужними дочерьми шли сюда безостановочно. Прежде их никто не навещал, но смерть отца, который из-за своих приступов бешенства заслужил прозвище Безумный Эстаньол, вернула надежды тем, кто хотел выдать свою дочь за самого богатого селянина в округе.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы жениться, — говорили ему. — Сколько тебе лет?

— По-моему, двадцать семь, — отвечал Бернат.

— В этом возрасте у тебя уже должны быть внуки, — упрекали молодого человека. — Что ты будешь делать со своим хозяйством один? Тебе нужна жена.

Бернат терпеливо выслушивал советы, зная, что за каждым из них непременно следовало упоминание новой кандидатуры, достоинства которой превосходили силу быка и красоту самого невероятного захода солнца.

Тема не была для него новой.

Безумный Эстаньол, овдовевший после рождения дочери Гиамоны, тоже собирался женить его, но все отцы с дочерьми на вы-

данье выходили из их дома с проклятиями: никто не мог удовлетворить требования сумасшедшего старика к приданому, которое должна была принести будущая сноха. Постепенно интерес к Бернату ослаб. С возрастом старик стал еще капризнее, а приступы бешенства у него сменились бредом. Бернат из кожи вон лез, забываясь о земле и об отце, и вдруг в двадцать семь лет оказался один на один с теми, кто желал породниться с ним.

Первым, кто пришел к Бернату, когда он еще не успел похоронить покойного, был управляющий сеньора де Наваркlesa, местного феодала.

«Как ты был прав, отец!» — подумал Бернат, увидев подъезжающего к дому гостя, которого сопровождали несколько солдат на лошадях.

— После моей смерти, — повторял ему старик бесчисленное количество раз, когда к нему возвращался рассудок, — они придут к тебе, и тогда ты покажешь им завещание.

И отец указывал рукой на камень, под которым лежал завернутый в кусок кожи документ, запечатлевший последнюю волю Безумного Эстаньола.

— Зачем, отец? — спросил его Бернат, когда старик впервые сказал об этом.

— Как ты знаешь, — ответил тот, — мы владеем этими землями благодаря бессрочной аренде, но я вдовец, и если бы не сделал завещания, то после моей смерти сеньор имел бы право взять себе половину нашего движимого имущества и скота. Это право называется *интестия*, есть еще много других, составленных в пользу сеньоров, и ты должен знать их все. Придут, Бернат, придут отбирать наше, и, только показав им завещание, ты сможешь отделаться от них.

— А если они отберут завещание? — спросил Бернат. — Ты ведь знаешь, какие они...

— Даже если они это сделают, оно все равно записано в книгах.

Ярость управляющего и самого сеньора стала известна всей округе, и положение сироты, наследника всего добра Безумного Эстаньола, стало выглядеть еще более привлекательным.

Бернат очень хорошо помнил визит, который нанес ему его нынешний тесть еще до начала сбора винограда. Пять суэльдо, тюфяк и белая льняная рубашка — это было все, что он предложил в качестве приданого за свою дочь Франсеску.

— Зачем мне белая льняная рубашка? — спросил его Бернат, продолжая перебрасывать солому на первом этаже своего дома.

— Смотри. — Пере Эстеве жестом указал на вход.

Опершись на вилы, Бернат проследил за его рукой.

Вилы упали на солому. Пронизанная светом, перед ним явилась Франсеска, одетая в белую льняную рубашку...

Каким же манящим оказалось ее тело!

Дрожь пробежала по спине Берната. Пере Эстеве понимающе улыбнулся.

Бернат принял предложение. Он сделал это там же, на сеновале, не приближаясь к девушке, но и не сводя с нее глаз.

Конечно, его решение было поспешным, Бернат понимал это, но он не мог сказать, что раскаивается; Франсеска, молодая, красивая, крепкая, вызвала у него бурю чувств. Аж дыхание перехватило!

Сегодня же...

О чем думала девушка? Чувствовала ли она то же, что и он?

Франсеска не принимала участия в веселой болтовне женщин; она молчаливо стояла рядом с матерью и лишь натянуто улыбалась в ответ на шутки и хохот остальных. На мгновение их взгляды встретились. Она покраснела и опустила глаза, и Бернат заметил, как колыхнулась ее грудь, выдавая волнение. Белая льняная рубашка вновь возникла в воображении Берната, в нем вспыхнуло желание...

— Поздравляю тебя! — услышал он голос тестя, который подошел сзади и сильно хлопнул его по плечу. — Береги ее, — добавил он, следя за взглядом Берната и показывая на дочь, которая уже не знала, где спрятаться. — Что ж, если жизнь, которую ты ей готовишь, будет такой же, как этот праздник... Это самый лучший пир, на котором я когда-либо бывал. Уверен, даже сеньор де Наварклес не наслаждался такими яствами!

Бернат постарался на славу угостить своих гостей: он приготовил сорок семь буханок белого хлеба из пшеничной муки, отказавшись от ячменя, ржи и полбы, которую обычно ели крестьяне. Мука из пшеницы высшего качества была белая, как рубашка его супруги! Погрузив хлеб, он прибыл в замок, чтобы выпечь его в печи сеньора де Наварклеса. Бернат надеялся, что две буханки, как всегда, будут достаточной платой, чтобы ему разрешили сделать это. При виде пшеничного хлеба глаза пекаря открылись так широко, что стали похожими на две тарелки, а потом закрылись, превратившись в едва заметные щели. Плата возросла до семи буханок,

и Бернат уехал из замка, проклиная закон, который не позволял крестьянам иметь собственную печь для выпечки хлеба и кузницу, а также заниматься шорным делом...

— Разумеется, — ответил он тестю, отгоняя неприятные мысли. Оба смотрели на двор перед домом.

Возможно, у него и украли часть хлеба, думал Бернат, но не вино, поданное сегодня гостям, — самое лучшее, которое готовил еще его отец, выдерживая годами, не украли и солонину, и олюю, и, конечно же, четырех баранов, надетых на вертела и медленно жарившихся над углями, покрываясь золотистой корочкой и издавая запах, перед которым нельзя было устоять.

Внезапно женщины пришли в движение. Оля была готова, и тарелки, которые подносили гости, начали наполняться. Пере и Бернат присели за единственным столом, который был во дворе, и женщины стали подавать кушанья. Никто больше не сел, четыре оставшихся стула были свободны.

Люди взялись за еду; одни стояли, другие присели на бревна, а некоторые устроились прямо на земле. Все не сводило глаз с баранов, за которыми постоянно присматривали женщины.

Гости пили вино, весело болтали, кричали и смеялись.

— Что за дивный праздник! — воскликнул Пере Эстеве, поднося ко рту ложку за ложкой.

Кто-то предложил выпить за молодых. Все сразу оживились и поддержали тост.

— Франсеска! — крикнул тесть, держа в руке стакан. Он повернулся в сторону невесты, которая стояла среди женщин, суетившихся у вертелов с баранами.

Бернат посмотрел на девушку, но та снова спрятала лицо.

— Волнуется, — извинился за нее Пере и лукаво подмигнул зятю. — Франсеска, доченька! — снова крикнул он. — Выпей с нами! Давай сейчас, потому что вскоре мы уйдем... почти все.

Взрывы хохота смутили Франсеску еще больше. Девушка чуть приподняла стакан, который ей вставили в руку, но так и не выпила из него. Повернувшись спиной к смеющимся гостям, она снова взялась за приготовление баранов.

Пере Эстеве ударил стаканом о стакан Берната так, что вино немного расплескалось. Гости последовали их примеру.

— Теперь тебе придется позаботиться о том, чтобы у нее прошла застенчивость, — громко сказал он, чтобы его услышали все присутствующие.

Снова раздался хохот, на этот раз сопровождаемый сальными подковырками, на которые Бернат предпочел не обращать внимания.

Между смехом и шутками все отдавали должное вину, солонине и олье. Когда женщины начали снимать баранов с углей, гости внезапно замолчали и стали смотреть на опушку леса, выходящую на ту часть угодий Берната, которая находилась немного дальше, за широкими полями пашни, в конце пологого склона, где Эстаньола высаживали виноград, дававший им такое замечательное вино.

Через несколько секунд молчание воцарилось на всей эспланаде.

Среди деревьев показались трое всадников. За ними шли пешие в одинаковых одеждах.

— Что это? — шепотом спросил Пере Эстеве.

Бернат пристально следил за людьми, которые приближались, оглябая его поля. Гости тихо переговаривались между собой.

— Не понимаю, — сказал наконец Бернат, не заметив, что тоже перешел на шепот. — Он никогда прежде не проходил здесь. Эта дорога не ведет к замку.

— Не нравится мне это посещение, — пробормотал Пере Эстеве.

Группа двигалась медленно. По мере ее приближения смех и веселье угасали, и вскоре оживление, царившее до сих пор во дворе, исчезло — как его и не бывало. Бернат оглядел своих гостей: некоторые из них притихли, другие стояли с опущенной головой. Он стал искать глазами затерявшуюся среди женщин Франсеску и не нашел ее. Голосище сеньора де Наварклеса уже доносился до них. Бернат почувствовал, как его начинает охватывать ярость.

— Бернат! Бернат! — воскликнул Пере Эстеве, дергая его за руку. — Чего ты стоишь? Беги встречай своего сеньора.

— Добро пожаловать в наш дом, — поприветствовал Бернат незваных гостей, подбежав к сеньору и его спутникам.

Льоренс де Бельера, сеньор де Наварклес, потянул свою лошадь за поводья и остановился перед Бернатом.

— Ты сын Безумного Эстаньола? — сухо спросил он.

— Да, сеньор.

— Мы охотились и, возвращаясь в замок, были удивлены, когда увидели этот праздник. По какому поводу веселитесь?

За лошадьми Бернат разглядел солдат, нагруженных всякой дичью: зайцы, дикие петухи. «Лучше бы вы объяснили свой приезд сюда, — хотелось крикнуть ему. — Или, может быть, это пекарь донес вам о хлебе из муки высшего качества?»

Казалось, даже лошади, пляшущие свои большие круглые глаза на него, ожидали ответа.

— Празднуем мою свадьбу, сеньор.

— На ком ты женишься?

— На дочери Пере Эстеве, сеньор.

Льоренс де Бельера молча уставился на Берната из-за головы своей лошади. Животные громко фыркали.

— Ну... — угрожающе начал Льоренс де Бельера.

— Моя супруга и я сам, — сказал Бернат, пытаясь подавить отвращение, — почли бы за великую честь, если бы ваша милость и ваши спутники соблаговолили присоединиться к нам.

— Мы хотим пить, Эстаньол, — коротко ответил сеньор де Бельера.

Лошади пришли в движение, хотя всадники даже не прищиприли их. Бернат, метнув взгляд на сеньора, направился к дому. Тем временем все гости собрались поприветствовать своего сеньора: женщины — опустив глаза, а мужчины — сняв головные уборы. Когда Льоренс де Бельера предстал перед ними, поднялся глухой шум.

— Ладно, ладно, — сказал тот, слезая с лошади, — празднуйте дальше.

Люди подчинились и молча отошли в сторону. Тем временем солдаты бросились к лошадям и занялись ими. Бернат проводил новоприбывших гостей к столу, за которым несколько минут назад он сидел со своим тестем Пере. Их тарелки тут же исчезли вместе со стаканами.

Сеньор де Бельера и оба его спутника сели за стол.

Когда они принялись болтать между собой, Бернат отошел на несколько шагов назад, а женщины стали быстро подносить кувшины с вином, стаканы, хлеб, тарелки с курицей, блюда с солониной и только что поджаренной бараниной. Бернат искал взглядом Франсеску и снова не нашел ее. Среди женщин не было его молодой жены. Он встретился взглядом с тестем, который уже стоял вместе с остальными. Развернувшись вполоборота, Пере Эстеве незаметно покачал головой.

— Продолжайте ваш праздник! — крикнул Льоренс де Бельера, держа в руке баранью ногу. — Давайте, вперед!

Гости молчаливо двинулись к углям, поближе к жареной баранине. Только несколько человек, находившихся вдали от взглядов сеньора и его друзей, стояли спокойно: Пере Эстеве, его сыновья и еще кто-то из приглашенных. Бернат, заметив среди них белую льняную рубашку, тут же подошел к ним.

— Уйди отсюда, дурак! — рявкнул тесть.

Прежде чем Бернат успел ответить, мать Франсески дала ему в руки поднос с бараниной и шепнула:

— Иди ухаживай за сеньором и не подходи к моей дочери.

Крестьяне вполголоса хвалили сочную баранину и украдкой поглядывали в сторону стола. На эспланаде были слышны только взрывы хохота и крики сеньора де Наваркlesa и его двоих друзей. Солдаты отдыхали в стороне от всех.

— Раньше было слышно, как вы смеетесь! — крикнул сеньор де Бельера. — Казалось, что вы даже распугали дичь. Веселитесь же, черт вас возьми!

Никто не проронил ни слова.

— Сельские скоты, — проворчал сеньор, обращаясь к своим спутникам.

Те встретили это замечание хохотом и стали утолять голод, уминая баранину и хлеб из лучшей муки. Тарелки с солониной и курицей стояли вразброс по всему столу.

Бернат ел стоя, пристроившись немного поодаль, и искоса поглядывал на кучку женщин, среди которых пряталась Франсеска.

— Еще вина! — потребовал сеньор де Бельера, поднимая стакан. — Эстаньол! — внезапно позвал он Берната, высматривая его среди гостей. — В следующий раз, когда ты будешь платить подать за землю, принесешь такое же вино, как это, а не то пойло, которым потчевал меня твой отец.

Не обнаружив Берната, который слушал, стоя у него за спиной, сеньор хмуро огляделся и усталился на мать Франсески, подошедшую с кувшином вина.

— Эстаньол, где же ты?

Кабальеро ударил по столу как раз в тот момент, когда женщина поднесла кувшин, чтобы наполнить его стакан. Несколько капель вина забрызгали одежду Льюренса де Бельеры.

Бернат уже стоял перед ним. Друзья сеньора смеялись над происшедшим, а Пере Эстеве закрыл руками лицо.

— Старая дура! Кто тебе поручил наливать вино?

Женщина опустила голову в знак покорности, а когда сеньор замахнулся, чтобы дать ей пощечину, упала на землю. Льюренс де

Бельера повернулся к своим друзьям, и те разразились хохотом, наблюдая, как старуха удаляется от стола ползком.

Затем он снова принял серьезный вид и обратился к Бернату:

— А, ты здесь, Эстаньол. Смотри, это неуклюжее старье ни на что не способно! Разве ты хочешь оскорбить своего сеньора? Неужели ты такой невежда, что даже не знаешь, что за гостями должна ухаживать хозяйка дома? Где невеста? — спросил он, скользнув взглядом по эспланаде. — Где невеста? — повторил он при всеобщем молчании.

Пере Эстеве взял Франсеску за руку и подвел ее к столу, чтобы передать дочь Бернату.

Девушка дрожала.

— Ваша милость, — произнес Бернат, — позвольте представить вам мою жену Франсеску.

— Вот это уже лучше, — заметил Льоренс, без всякого стеснения осматривая девушку с головы до ног, — гораздо лучше. С этого момента она будет подавать нам вино.

Сеньор де Наварклес снова присел к столу и повернулся к девушке, подняв стакан. Франсеска взяла кувшин и поспешила к нему. Рука девушки дрожала, и Льоренс де Бельера схватил ее за запястье и держал так, пока вино лилось в стакан. Затем он потянул ее за руку и заставил поухаживать за своими спутниками. Грудь девушки касалась лица Льоренса де Бельеры.

— Вот как наливают вино! — крикнул сеньор де Наварклес, пока Бернат, стоя сбоку от него, сжимал от злости кулаки и скрипел зубами.

Льоренс де Бельера и его спутники продолжали пить и требовали присутствия Франсески, чтобы повторить еще и еще раз ту же сцену. Солдаты смеялись вместе со своим сеньором и его друзьями каждый раз, когда девушка вынуждена была наклоняться над столом, чтобы налить вина. Франсеска изо всех сил старалась сдерживать слезы, а Бернат заметил, как из его ладоней, израненных его собственными ногтями, стала сочиться кровь. Гости-крестьяне молча отворачивались, когда девушка наливала вино.

— Эстаньол! — крикнул Льоренс де Бельера, поднимаясь и все еще держа Франсеску за тонкое запястье. — Согласно праву, которым обладает сеньор, я решил переспать с твоей женой в первую брачную ночь.

Спутники сеньора де Бельеры громко зааплодировали в ответ на эти слова.

Бернат бросился к столу, но, прежде чем он успел добежать, охрана сеньора, которая уже казалась пьяной, вскочила и схватилась за мечи.

Бернат резко остановился. Льоренс де Бельера ухмыльнулся, а потом и расхохотался.

Девушка пронзительно смотрела на Берната, взглядом умоляя о помощи.

Бернат сделал еще один шаг вперед, но меч одного из друзей сеньора уперся ему в живот. Беспомощный, он снова остановился. Франсеска не переставала смотреть на него, пока ее тащили к внешней лестнице дома.

Когда хозяин этих земель схватил ее за талию и закинул к себе на плечо, девушка закричала.

Друзья сеньора Наварклеса вновь сели за стол, продолжая пить и смеяться, в то время как солдаты стали на страже у подножия лестницы, чтобы не подпускать к ней Берната.

Стоя внизу у лестницы, Бернат не слышал ни хохота друзей сеньора де Бельера, ни всхлипываний женщин.

Он не присоединился к притихшим гостям и даже не обращал внимания на шутки солдат, которые обменивались выразительными жестами, тыча в сторону дома: он слышал только крики боли, доносившиеся из окна третьего этажа...

Небо по-прежнему сверкало голубизной.

Через некоторое время, Бернату показавшееся вечностью, на лестнице появился Льоренс де Бельера.

Весь потный, он на ходу застегивал на себе охотничью куртку.

— Эстаньол! — крикнул он своим громовым голосом, направляясь к столу. — Теперь твоя очередь. Донья Катерина, — сказал он своим спутникам, имея в виду жену, с которой он недавно вступил в брак, — устала от моих незаконнорожденных детей, которые продолжают появляться на свет, я больше не выдержу ее хныканья. Поступи как добрый муж-христианин! — потребовал он, снова поворачиваясь к Бернату.

Бернат опустил голову и под пристальными взглядами всех присутствующих побрел к боковой лестнице.

Едва переставляя ноги, он поднялся на второй этаж, в просторную комнату, служившую кухней и столовой, где в одну из стен был встроен большой очаг, над которым нависала внушительная каминная труба, выкованная из железа. Прислушиваясь к зву-

ку своих шагов по деревянному полу, Бернат направился к лестнице с поручнями, которая вела на третий этаж, предназначенный для спальни и амбара. Он скользнул взглядом по деревянному настилу верхнего этажа, не смея подняться выше.

Оттуда не было слышно ни звука.

Неловко выпрямившись, так что его подбородок оказался на уровне пола, стоя на лестнице, он увидел одежду Франсески, разбросанную по комнате; ее белая льняная рубашка, семейная гордость, была разорвана в клочья...

Наконец Бернат поднялся наверх.

Совершенно голая, с потерянными взглядом, Франсеска лежала, свернувшись калачиком, на новом тюфяке, покрытом пятнами крови. Ее тело, в капельках пота, с царапинами и следами побоев, казалось неподвижным.

— Эстаньол, — услышал Бернат громкий голос Льюренса де Бельеры, — твой сеньор ждет.

Содрогаясь от позывов, Бернат стал блевать прямо в зерно так, что из него едва не вывалились кишки.

Франсеска продолжала лежать неподвижно.

Бернат рванулся к лестнице. Пока он спускался, в его голове лихорадочно роились самые разные мысли. Испытывая отталкивающие ощущения, ослепленный, он столкнулся с громадным Льюренсом де Бельерой, который стоял у нижней ступени и усмехался.

— Похоже, новобрачный не исполнил свой долг, — сказал Льюренс де Бельера своим спутникам.

Бернату пришлось поднять голову, чтобы взглянуть на сеньора де Наварклеса.

— Нет... я не смог, ваша милость, — пробормотал он.

Некоторое время Льюренс де Бельера хранил молчание.

— Что ж, раз ты не смог, я уверен, что кто-нибудь из моих друзей или солдат заменит тебя. Я уже говорил, что больше не хочу незаконнорожденных детей.

— Не имеете права!

Крестьяне, наблюдавшие за этой сценой, вздрогнули, хорошо понимая, какие последствия могла иметь такая дерзость. Сеньор де Наварклес схватил Берната за шею и затряс с такой силой, что тот стал хватать ртом воздух:

— Как ты смеешь говорить такое?! Может, ты хочешь использовать законное право твоего сеньора переспать с невестой, а по-

том прийти с незаконнорожденным ребенком и что-нибудь требовать? — Льюренс продолжал трясти Берната. — Ты на это считаешься? Права вассалов определяю я, только я, понимаешь? Ты забываешь, что я могу наказать тебя, когда захочу и как захочу!

Льюренс де Бельера отшвырнул Берната, размахнулся и залепил пощечину, свалив его с ног.

— Кнут мне! — в ярости закричал сеньор.

Кнут!

Бернат помнил, как, будучи совсем ребенком, он был вынужден вместе со своими родителями и другими селянами присутствовать на публичном наказании, наложенном сеньором де Бельерой на одного несчастного, о чьей вине так никто никогда и не узнал. Воспоминание о звуке лопающейся кожи на спине этого человека незамедлительно всплыло в сознании Берната — так было не только в тот злополучный день, но и каждую ночь в течение доброй половины его детства. Тогда никто из присутствующих даже не посмел пошевелить пальцем. А уж тем более сегодня...

Бернат поклонился и поднял глаза на сеньора: тот стоял, подобно огромной скале, и протягивал руку в ожидании, когда кто-нибудь вложит в нее кнут. Бернат вспомнил спину бедолаги, исполосованную до самого мяса и превратившуюся в кровавую массу, из которой даже вся ненависть сеньора не могла вырвать еще кусок...

На четвереньках, вслепую, Бернат попятился к лестнице, дрожа, как в детстве, когда его не покидали ночные кошмары.

Никто не шелохнулся. Все молчали. А солнце продолжало сиять.

— Я сожалею, Франсеска, — пробормотал Бернат, когда, с трудом поднявшись по лестнице, приблизился к ней в сопровождении солдата.

Он спустил штаны и стал на колени рядом с женой.

Девушка продолжала лежать неподвижно.

Бернат посмотрел на свой свисающий член и подумал о том, сможет ли он выполнить приказ своего сеньора. Он протянул руку и мягко провел пальцем по голому бедру Франсески.

Франсеска не ответила.

— Я должен... мы должны это сделать, — настаивал Бернат, беря ее за руку, чтобы повернуть к себе.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула Франсеска, выходя из оцепенения.

— С меня спустят шкуру! — Бернат с силой перевернул жену, прижимая к себе ее голое тело.

— Оставь меня!

Они боролись, пока Бернату не удалось схватить ее за оба запястья и немного приподнять. Несмотря на это, Франсеска сопротивлялась.

— Если не я, придет другой! — шепнул он ей. — Придет другой, который... возьмет тебя силой!

В глазах девушки читалось осуждение. Она отвернулась от него.

— С меня снимут шкуру, — с мольбой шептал он. — С меня снимут шкуру...

Франсеска не прекращала бороться, и Бернат набросился на нее с новой силой. Слез девушки было недостаточно, чтобы охладить желание, пробудившееся в Бернате от прикосновения к молодому телу, и он вошел в нее, не обращая внимания на то, что Франсеска кричала во весь голос.

Эти вопли удовлетворили солдата, следившего за Бернатом. Он без всякого стыда наблюдал за этой сценой, стоя на лестнице.

Бернат еще не закончил, когда Франсеска прекратила сопротивление. Постепенно ее крики сменились всхлипываниями.

Плач жены беспрестанно звучал в ушах Берната...

Солнце достигло зенита.

Льоренс де Бельера, услышав отчаянные крики, доносившиеся с третьего этажа, дождался подтверждения солдата, что супружеский долг исполнен, и потребовал лошадей. Зловещая компания покинула дом. Бóльшая часть гостей, подавленных ужасным зрелищем, последовала его примеру.

Тишина наполнила комнату.

Бернат, лежа на истерзанной жене, не знал, что ему делать. Лишь осознав, что по-прежнему с силой держит Франсеску за плечи, он отпустил ее, чтобы опереться на тюфяк, но тут же обессиленно повалился рядом с ней. Повинуясь инстинкту, он вновь приподнялся, вытягивая руки, чтобы опереться на них, и встретился взглядом с пустыми глазами Франсески, которая, казалось, смотрела сквозь него. Любое движение причиняло ей новую боль. Бернат всем сердцем сочувствовал Франсеске, но не знал, что сделать, чтобы она перестала мучиться. Он готов был взлететь, лишь бы оторваться от Франсески и больше не соприкасаться с ней.

Наконец Бернат поднялся и тут же опустился на колени рядом с женой. Но и теперь он не знал, что делать: лечь рядом, уйти из комнаты или попытаться оправдаться...

Он отвел глаза от тела Франески, повалился на спину и, лежа с открытым ртом, подумал о том, как непристойно он сейчас выглядит. Проведя ладонью по своему лицу, Бернат опустил глаза, и вид голого члена внезапно заставил его устыдиться.

— Я сожа...

Неожиданное движение Франески застало его врасплох. Девушка повернулась к нему лицом. Бернат попытался найти понимание в ее взгляде, но ее лицо было совершенно отрешенным.

— Я сожалею... — опять начал он, но Франеска продолжала смотреть на него все тем же бессмысленным взглядом, — я сожалею, очень сожалею. С меня... с меня бы шкуру спустили, — бормотал он.

Бернат вспомнил сеньора Наварклеса, стоящего с вытянутой рукой в ожидании кнута, и вновь стал вглядываться в безучастное лицо Франески. В ее глазах он вдруг почувствовал страх: они беззвучно кричали — так же, как недавно кричала она сама.

Инстинктивно, желая дать понять, что он всем сердцем сочувствует ей, Бернат протянул руку к щеке Франески, как будто перед ним был ребенок.

— Я... — начал было он, но, внезапно осекшись, замолчал, так и не прикоснувшись к жене.

Когда его пальцы приблизились к ней, все мышцы Франески напряглись. Бернат закрыл ладонью свое лицо и заплакал.

Франеска оставалась лежать без движения, на ее лице застыло потерянное выражение...

Бернат перестал плакать, поднялся, надел штаны и скрылся в проеме, который вел на нижний этаж.

Когда его шаги затихли, Франеска встала и подошла к сундуку, единственному предмету мебели в спальне, в который складывали белье. Одевшись, она собрала свои разорванные вещи, среди которых была ее драгоценная белая льняная рубашка, аккуратно сложила ее — лоскуток к лоскутку — и спрятала в сундук.

2

Франеска бродила по дому как неприкаянная.

Она выполняла домашние обязанности, но делала это в полной тишине, источая неизбывное горе, которое вскоре овладело всем домом Эстаньолов, вплоть до самого потаенного уголка.

Множество раз Бернат пытался попросить у нее прощения за случившееся. После того как прошел ужас, охвативший его и всех селян в день их свадьбы, Бернат смог пространно объяснить, что им двигало: прежде всего, это был страх перед жестокостью сеньора, а также мысль о последствиях, которые мог бы повлечь за собой отказ повиноваться, как для него самого, так и для нее. Но эти «я сожалею», тысячи «я сожалею», которые раз за разом произносил Бернат, обращаясь к Франсеске, приводили лишь к тому, что она смотрела и слушала его, не проронив ни слова, как будто ожидала момента, когда он в своих аргументах дойдет до самого главного: «Пришел бы другой. Если бы не я, то это сделал бы другой...»

Однако Бернат молчал, чувствуя, что любое оправдание теряет смысл, воспоминание о насилии вновь и вновь становилось между ними непреодолимой стеной. Эти «я сожалею», попытки оправдаться и молчание в ответ, конечно, затягивали рану, которую Бернат хотел залечить во что бы то ни стало, да и угрызения совести растворялись в каждодневных заботах, но Франсеска оставалась равнодушной, и Бернат, вконец отчаявшись, опустил руки...

Каждое утро, на рассвете, когда Бернат поднимался, чтобы приняться за тяжелую крестьянскую работу, он выглядывал из окна спальни. Он всегда так делал, как и его отец, который даже в последние дни, опираясь на широкий каменный подоконник, смотрел на небо, чтобы предугадать, какой день их ожидает. Вместе с отцом он оглядывал земли, плодородные, четко очерченные вспашкой, так что был виден каждый участок. Поля простирались на бесконечной равнине, начинавшейся у подножия дома. Они наблюдали за птицами и внимательно прислушивались к звукам, которые издавали животные на подворье. Это были короткие моменты единения отца и сына, а также обоих Эстаньолов с их землями — те редкие минуты, когда казалось, что к отцу возвращается рассудок.

Прислушиваясь, как жена хлопочет по хозяйству этажом ниже, Бернат мечтал разделить с ней эти мгновения, а не переживать их в одиночестве. Ему хотелось рассказать ей о том, что он когда-то услышал из уст своего отца, а тот узнал от своего — и так на протяжении многих поколений.

Он мечтал, что расскажет ей о времени, когда эти земли были свободны от ленных повинностей и принадлежали Эстаньолам. О том, как его предки возделывали их с радостью и любовью, собирая выращенный урожай и чувствуя себя уверенными оттого,

что не надо было платить оброк или налоги и склонять голову перед сеньорами, надменными и несправедливыми. Он мечтал поделиться с ней, его женой, будущей матерью наследников этих полей, той же грустью, какой его отец делился с ним, когда рассказывал о причинах, из-за которых сейчас, триста лет спустя, дети, рожденные ею, вынуждены будут стать рабами. Ему хотелось с гордостью поведать ей, как триста лет тому назад Эстаньолы, наряду с другими, такими же, как они, держали оружие в своих домах, как они, чувствуя себя свободными и независимыми, были готовы прибыть по приказу графа Рамона Борреля и его брата Эрменголя Уржельского на защиту старой Каталонии от набегов сарацин. Ему хотелось рассказать ей, как по велению графа Рамона несколько Эстаньолов попали в победоносное войско, разгромившее сарацин Кордовского халифата у Альбезы, за Балагером, на Уржельской равнине. Его отец рассказывал об этом с блеском в глазах, но как только старик вспоминал о смерти графа Рамона Борреля в 1017 году, его возбуждение переходило в уныние. Судя по рассказам, именно эта смерть превратила их в рабов: сын графа Рамона Борреля в пятнадцать лет занял место отца; его мать, Эрмесенда Каркассонская, стала регентшей; а бароны Каталонии — те самые, которые плечом к плечу сражались с крестьянами, — когда границам графства уже ничего не угрожало, воспользовались безвластием, чтобы обобрать крестьян, убить тех, кто не уступал своего имущества, и стать владельцами земель, позволив бывшим хозяевам обрабатывать их и платить сеньору частью своего труда. Эстаньолы уступили, как и многие другие, но огромное количество крестьянских семей были жестоко убиты.

— Будучи свободными людьми, — говорил ему отец, — мы, крестьяне, боролись рядом с кабальеро, пешим порядком разумеется, против мавров, но так и не смогли противостоять сеньорам. И когда последующие графы Барселоны захотели вернуть себе бразды правления над каталонским графством, они столкнулись с богатой и могущественной знатью, вынудившей их заключить соглашение — опять же за счет крестьян. Сначала это были земли старой Каталонии, а потом мы заплатились нашей свободой и честью, а также собственными жизнями...

— Речь идет о твоих дедах, — уточнял он дрожащим голосом, не переставая смотреть на землю, — которые утратили свободу, став сервами. Им запретили покидать свои поля, их превратили в рабов, привязав к земельным наделам, так же как и их детей, как

меня, и внуков, как тебя. Наша жизнь... твоя жизнь находится в руках сеньора, который вершит суд и имеет право дурно обращаться с нами и оскорблять нашу честь. Мы даже не можем защитить себя!

Если кто-нибудь обидит тебя, ты вынужден обращаться к своему сеньору, чтобы возместили ущерб, и если он согласится, тебе придется отдать ему половину возмещенного.

Отец очень часто рассказывал ему о многочисленных правах сеньора, и Бернат, который никогда не осмеливался прерывать его гневный монолог, хорошо запомнил все, что услышал во время этих бесед.

Сеньор в любой момент мог потребовать от серва клятвы в верности. Он имел право отобрать часть имущества у серва, если тот умер, не оставив завещания, или если серв был бездетным; если его жена совершила прелюбодеяние; если был пожар в его доме; если он закладывал дом; если венчался с подневольной крестьянкой другого сеньора и, разумеется, если он хотел уйти от своего сеньора. Сеньор мог переспать с невестой серва в первую брачную ночь; мог потребовать от женщин вскармливать грудью его детей или чтобы дочери подневольных людей прислуживали в замке. Сервы должны бесплатно обрабатывать земли сеньора, принимать участие в защите замка, платить ему частью урожая со своих усадеб, принимать сеньора или его посыльных у себя в домах и кормить их во время постоя, платить за использование лесов или пастбищ, платить вперед за возможность пользоваться кузницей, пекарней или мельницей сеньора, посылать ему подарки на Рождество и прочие праздники.

— А что же Церковь?

Когда его отец задавал себе этот вопрос, то приходил в еще большую ярость.

— Иноки, монахи, священники, дьяконы, архидьяконы, каноники, аббаты, епископы, — гневно восклицал он, — все они такие же феодалы! Они даже запретили крестьянам принимать сан, чтобы мы не сбежали с наших земель и чтобы таким образом сделать наше услужение вечным!

— Бернат, — предупреждал он сына со всей серьезностью в те моменты, когда размышления о Церкви доводили его до белого каления, — никогда не верь тому, кто будет пытаться убедить тебя, что надо служить Богу. С тобой будут говорить спокойно, произнося добрые, возвышенные слова, которые ты не сможешь понять.

Тебе будут приводить такие аргументы, которые только они умеют придумывать, чтобы завладеть твоим разумом и волей. Все эти священники постараются предстать перед тобой добропорядочными людьми, они будут говорить, что хотят спасти нас от лукавого и искушения, но на самом деле их мнение о нас давно известно, и все эти солдаты воинства Христова, как они себя называют, преданно следуют тому, что написано в книгах. Их слова — это оправдания, а доводы годятся лишь для несмышленных.

Бернат вспомнил, как однажды, во время одной из таких бесед, он спросил отца:

— А что говорится в их книгах о нас, крестьянах?

Отец направил свой взор вдаль, туда, где поля сливались с небом, потому что ему не хотелось смотреть в ту сторону, где обитал тот, от чьего имени говорили люди, облаченные в сутаны.

— В них утверждается, будто мы — чернь, животные, не способные понять, что такое хорошее обращение. В них говорится, что мы ужасны и отвратительны, бессовестны и невежественны, жестоки и упрямы, а потому не заслуживаем никакого снисхождения. Мы, считают все эти святоши, недостойны уважения, поскольку не можем ценить его и готовы воспринимать что-либо только под угрозой силы. Они говорят...¹

— Отец, а мы действительно такие?

— Сынок, в *таких* они хотят нас превратить.

— Но вы же молитесь каждый день, и когда умерла мать...

— Мы молимся Святой Деве, сынок, — перебил его старик. — Она не имеет ничего общего с монахами и священниками. В нее можно верить, не сомневаясь ни секунды.

Бернату Эстаньолю хотелось бы так же облакачиваться на подоконник по утрам и разговаривать со своей молодой женой — рассказывать ей то, что рассказал ему отец, и вместе с ней смотреть на поля...

В оставшиеся дни сентября и в продолжение всего октября Бернат запрягал пару волов и обрабатывал поля, срывая и поднимая твердую корку, покрывшую их, чтобы солнце, воздух и удобства обновляли землю.

Затем с помощью Франсески он засеял пашню: жена шла с корзиной, разбрасывая семена, а он с упряжкой волов сначала пере-

¹ Из «Lo Crestià» (кат. «Христианин») Франсеска Эшимениса. — *Примеч. автора.*

пахивал, а потом ровнял уже засеянную землю тяжелой бороной. Работали молча, молчание лишь изредка прерывалось покрякиванием Берната на волов, которое раскатывалось по всей равнине. Бернат думал, что совместная работа сблизит их хоть немного. Но нет — Франсеска оставалась безразличной: она несла корзину и разбрасывала семена, даже не глядя на него...

Наступил ноябрь, и Бернат принялся за работу, которую обычно делали в это время: выпасал свиней перед убоем, собирал хворост для дома, удобрял землю, которую предстояло засеять весной, готовил сад, подрезал и прививал виноградники. Когда он возвращался домой, Франсеска уже занималась домашними делами, возилась в саду, кормила кур и кроликов. Каждый вечер жена молча подавала ему ужин и уходила спать; по утрам она поднималась раньше его, а когда Бернат спускался вниз, на столе был готов завтрак и котомка с обедом. Пока он завтракал, было слышно, как она ухаживает за скотиной в хлеву.

Рождество прошло в одно мгновение, а в январе закончился сбор оливок. У Берната было не слишком много оливок, только для нужд дома и уплаты оброка сеньору.

Потом Бернат занялся забоем свиней. Когда был жив отец, соседи, почти не навещавшие Эстаньолов в другое время, никогда не пропускали день забоя. Бернат вспоминал эти дни как настоящие праздники. Сначала забивали свиней, а потом ели и пили, пока женщины занимались мясом.

Незадолго до родов однажды утром к нему в дом явилась семья Эстеве: отец, мать и двое из братьев. Бернат встретил их во дворе, Франсеска стояла за ним.

— Как ты, дочка? — спросила мать.

Франсеска не ответила, но позволила себя обнять. Бернат наблюдал за этой сценой: мать, соскучившись, обнимала дочь, ожидая, что та тоже ее обнимет. Но Франсеска этого не сделала и продолжала стоять как вкопанная.

Бернат перевел взгляд на тестя.

— Франсеска, — только и сказал Пере Эстеве, глядя куда-то вдале, мимо дочери.

Братья поприветствовали сестру взмахом руки.

Франсеска, не проронив ни слова, пошла в хлев за свиньей; остальные замерли в ожидании. Никто не осмеливался заговорить, и лишь одно глухое всхлипывание матери нарушило молчание. Бернат хотел было успокоить тещу, но удержался, увидев, что ни муж, ни сыновья не сделали этого.

Франческа появилась со свиньей, которая упиралась, как будто знала, какая судьба ей уготована, и молча отдала ее мужу. Бернат и оба брата Франчески уложили свинью и сели на нее.

Пронзительный визг животного разнесся по всей долине Эстаньолов. Пере Эстеве забил ее одним точным ударом, и все молча ждали, пока кровь животного стекала в кружки, которые женщины меняли по мере их наполнения. Они старались не смотреть друг на друга.

Мужчины даже не выпили по стакану вина, пока мать и дочь занимались уже разделанной тушей.

По окончании работы, когда стало смеркаться, мать попыталась снова обнять дочь. Бернат смотрел на это, ожидая увидеть реакцию со стороны Франчески, но та осталась такой же безучастной, как и всегда. Ее отец и братья попрощались, стыдливо опустив глаза. Мать подошла к Бернату.

— Когда ты увидишь, что начинаются роды, — сказала она, отводя его в сторонку, — пошли за мной, я не думаю, что она сама справится.

Эстеве отправились домой.

В ту ночь, когда Франческа поднималась по лестнице в спальню, Бернат не мог оторвать взгляда от ее живота...

В конце мая был первый день жатвы, Бернат осматривал свои поля с серпом за плечом. Удастся ли ему собрать весь урожай без потерь? Вот уже пятнадцать дней, как он запретил Франсеске любую тяжелую работу, потому что у нее уже было два обморока.

Она молча выслушала его приказ и подчинилась.

Бернат снова осмотрел бескрайние поля, которые его ожидали.

Время от времени он спрашивал себя: «А если это будет не мой ребенок?» Зачастую женщины-крестьянки рожали прямо в поле во время работы, но, увидев, как она упала один раз, а потом второй, Бернат не мог не обеспокоиться...

Бернат сжал серп и с силой размахнулся. Колосья взлетели в воздух.

Был уже полдень, но он даже не остановился пообедать. Поле казалось необъятным. Он всегда жал вместе с отцом, даже когда тот ослаб. Сжатые колосья как будто возвращали ему утраченные силы. «Давай, сынок! — подбадривал отец. — Не нужно ждать, пока ураган или град испортит зерно». И они жали. Когда один уставал, то просил подменить его. Ели в тени и пили хорошее вино, отцовское, выдержанное, болтали, смеялись...

Фальконес И.

Ф 19 Собор у моря : роман / Ильдефонсо Фальконес ; пер. с исп. В. Степанова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20316-7

Дебютный роман испанского писателя Ильдефонсо Фальконеса, мгновенно ставший мировым бестселлером. Книга была издана более чем в 30 странах, и ее тираж превысил 2 миллиона экземпляров; в 2018 году по книге был снят телевизионный сериал. «Собор у моря» — это захватывающий исторический роман, действие которого разворачивается в средневековой Барселоне, богатой и процветающей столице Каталонии. С этим городом навсегда соединилась полная взлетов и падений судьба главного героя Арнау Эстаньола, отец которого, беглый серв, оказался в Барселоне в поисках свободы, спасаясь от произвола своего хозяина. Жестокость средневековых нравов и беспредел знати, костры инквизиции и бубонная чума, интриги и заговоры, войны, насилие, голод и кровь, обман и предательство, любовь и верность — все это на фоне строительства одного из самых прекрасных в мире храмов — барселонского собора Святой Марии у Моря, дарующей силу и свет.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ИЛЬДЕФОНСО ФАЛЬКОНЕС
СОБОР У МОРЯ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AB8-29167-01-R